

В кармане зажужжало. Хань Дун торопливо вытащил телефон и выключил звук — на экране высветился домашний номер Су Цзиня.

Приняв вызов, он вполголоса спросил:

— Алло, что случилось?

— На улице опять хмурится. Сяо Мо уже дома? Скажи ему, чтобы поторапливался, а то скоро ливанет.

Су Мо в это время мирно посапывал на диване, закинув ноги Хань Дуну на колени. Тот, нисколько не брезгуя дорожной пылью, методично массирует ему ступни.

Бросив взгляд на спящего друга, Хань Дун затянулся сигаретой:

— Он сказал, что сегодня не придет. У меня заночует.

— Вот как? Он же вроде собирался с тобой счета сводить?

— Я совесть свою не пятнал, так что его хилого телосложения мне бояться нечего.

— Ладно тебе, Дун-цзы. Признайся честно хотя бы мне: тот парень на мотоцикле — это ведь был ты?

— А сам подумай: если бы это был я, то ради чего мне всё это затевать?

— Ладно, верю. Скажи Сяо Мо, чтобы завтра возвращался пораньше — надо будет товар принимать.

— Угу, — Хань Дун повесил трубку.

Он долго разглядывал Су Мо — с головы до самых кончиков пальцев. Сделав пару глубоких затяжек, он раздавил окурочек, поднялся и, подхватив юношу на руки, понес его в спальню.

Сквозь дрему Су Мо почувствовал, как под ним прогнулось что-то мягкое. Открыв глаза, он увидел Хань Дуна, который заботливо укрывал его одеялом. Су Мо взглянул на часы — стрелки перевалили за два часа дня. Он попытался подняться, но Хань Дун мягко прижал его за плечо обратно к подушке.

— Ты всего полчаса поспал, отдохни еще.

"Мне пора домой", — выразил он взглядом.

Хань Дун, на удивление, сразу его понял:

— Небо заволокло, не ходи никуда. Твой брат только что звонил, сказал, что в лавке дел особых нет. Можешь остаться у меня, а завтра утром вернешься.

Су Мо промолчал. Остаться здесь... Ему этого хотелось — до боли, до дрожи в коленях. Но... Впрочем, какая разница? Пусть будет так. Он побудет здесь, посмотрит на него еще немного. Может, когда судьба разведет их по разным краям, у него не останется права даже на то, чтобы любить его украдкой.

Он едва заметно кивнул, и Хань Дун улыбнулся. Он протянул Су Мо блокнот:

— Чего бы ты хотел съесть?

"Всё равно".

— Тогда я сбегаю вниз, куплю чего-нибудь. У тебя ноги отекли, так что не вздумай вскакивать.

Су Мо снова кивнул. Хань Дун накинул куртку, прихватил сигареты и вышел. Спустившись в подъезд, он тут же закурил.

Эх, Хань Дун, Хань Дун... Оказывается, и ты умеешь трусить.

К четырем часам дня над Чаньюанем сгустились иссиня-черные тучи. Небо давило своей тяжестью, то и дело содрогаясь от раскатистого грома. Это был уже бог весть какой по счету дождь за последние месяцы.

Су Мо любил такую погоду. Ему нравилось, забившись в уютный угол, читать книгу или слушать музыку под шум капель. А здесь, в доме Хань Дуна, это чувство спокойствия стало еще глубже.

— Держи, — Хань Дун положил перед ним кассетный плеер. — Почему не взял, когда я дарил? Еще и брата заставил возвращать.

"Не хочу быть твоим должником".

Хань Дун присел рядом, по-свойски закинув руку ему на плечо:

— Маленькая красавица, ты мне ничего не должен, я сам так захотел. Я только одного не

пойму: с чего ты вдруг стал меня сторониться? Почему начал вести себя как с чужим?

Опять он об этом. Су Мо напустил на себя суровый вид и отвернулся к окну, облокотившись на подоконник. Изгиб его тонкой талии в этой позе стал еще отчетливее; Хань Дун невольно сравнил его со своим разворотом плеч — разница была в ладонь.

— Хоть бы ел побольше, а то кожа да кости.

"Я ем достаточно, просто конституция такая".

Внезапно Хань Дун обхватил его сзади за талию. Су Мо вздрогнул, сердце испуганной птицей забило о ребра, он замер, боясь пошевелиться.

— Я так устал за эти дни, — прошептал Хань Дун, уткнувшись лицом ему в плечо и крепче смыкая руки на его животе.

Су Мо судорожно сглотнул, покраснев. Он попытался высвободиться, но Хань Дун лишь теснее прижался к нему грудью.

— От тебя так приятно пахнет... Дай я так немного полежу.

"Да чем от меня может пахнуть?" — растерянно подумал Су Мо, согреваясь в этих объятиях.

— Знаешь, Сяо Мо... Не хочу я больше учиться. Ну не мое это.

"Я хочу, чтобы ты учился", — быстро вывел он в блокноте.

Хань Дун мельком глянул на надпись:

— Обязательно?

"Это твое дело. Я не могу тебе указывать".

— Можешь, — Хань Дун потерся подбородком о его плечо, вызывая у Су Мо волну неловкости.
— Только если я поступлю и уеду отсюда, смотри потом не жалеяй.

Су Мо не раз думал об этом. О том, что и его брат, и Лян Цинь рано или поздно покинут этот захолустный городишко. И оставят его одного.

"Я буду только рад, если ты поступишь".

— Раз ты так говоришь...

Су Мо кивнул. Хань Дун шумно выдохнул ему в шею:

— Значит, поступлю. А если провалюсь — голову дам на отсечение.

Су Мо не выдержал и беззвучно рассмеялся.

"Зачем мне твоя голова? Она же страшная".

— Страшная? — Хань Дун выпрямился и наклонился к самому его лицу. Теперь они были так близко, что Су Мо видел каждую ворсинку на его щетине.

Не выдержав этого взгляда, он отвел глаза. Хань Дун усмехнулся и отстранился:

— Пойду в душ. Составишь компанию?

Су Мо решительно помотал головой.

— Ну да, испугался, что я тебя, мужика, домогаться стану, — хохотнул Хань Дун, забирая чистые брюки.

Су Мо осторожно пошевелил ногой — лодыжка почти не болела. Видимо, массаж Хань Дуна действительно помог.

Морозящий дождь затянулся до самой ночи. Когда Су Мо вышел из ванной, Хань Дун что-то сосредоточенно искал в гостиной, пока наконец не выудил какой-то диск.

— Посмотрим? — он помахал коробочкой перед носом друга. — Клубничка. Порнушка.

У Су Мо в голове словно что-то загудело. Смотреть такое? Он о подобном и помыслить не смел.

Одарив Хань Дуна презрительным взглядом, он скрылся в спальне. Тот лишь хмыкнул и вставил диск в проигрыватель. Спустя мгновение из телевизора донеслись звуки, от которых бросало в жар.

Су Мо юркнул под одеяло, но Хань Дун, кажется, специально выкрутил громкость. Каждый стон отчетливо доносился до спальни, заставляя кровь быстрее бежать по жилам.

В этом возрасте любопытство берет верх над стыдом. Су Мо не был исключением. Ему,

конечно, хотелось понять, отчего возникают эти протяжные, надрывные вздохи.

Спустя пару минут он всё же не выдержал. Тихо выскользнув из постели, он подкрался к дверному проему и осторожно выглянул. Увиденное на экране заставило его замереть с открытым ртом, и он мгновенно густо покраснел.

"Неужели это настолько... откровенно?"

— Да заходи уже, чего ты там прячешься, — Хань Дун поманил его рукой. — С порога всё равно ничего не поймешь. Тебе уже не двенадцать лет, пора бы и в таких делах разбираться.

Су Мо отметил про себя, что Хань Дун при этом даже не покраснел. Сразу видно — мастер. Впрочем, при таком количестве подружек было бы странно ожидать иного.

"Бабник", — мысленно проворчал он.

Присев на край дивана, Су Мо старался не смотреть на экран, но Хань Дун, лениво попыхивая сигаретой, не давал ему расслабиться:

— Ну как? Цепляет? Свеженькое раздобыл.

"Цепляет" — это еще слабо сказано! Су Мо было неловко смотреть на то, как сплетаются тела мужчины и женщины, но от одних звуков внизу живота всё напряглось до боли. Он поспешно схватил диванную подушку и прикрыл ею колени.

Он украдкой глянул на Хань Дуна и с изумлением заметил, что тот абсолютно спокоен. Он смотрел на экран прищурившись, сквозь табачный дым, но казалось, происходящее в телевизоре его совершенно не трогает.

Почувствовав на себе взгляд, Хань Дун покосился на него:

— Что, встал?

Су Мо еще сильнее прижал подушку. Хань Дун всё понял без слов. Сделав последнюю затяжку, он погасил сигарету, бросил пульт на диван и поднялся.

— Досматривай сам. Делай что хочешь, только в спальню возвращайся, когда закончишь свои дела.

"Сам же позвал, а теперь уходит?" — растерялся Су Мо.

Он снова взглянул на экран. Он покраснел до самой шеи. Тяжесть внизу стала почти нестерпимой.

Посидев еще немного, он осторожно заглянул в спальню — Хань Дун лежал неподвижно. Тогда Су Мо быстро скользнул в ванную.

В спальне Хань Дун долго ждал, когда Су Мо вернется. Понимая, чем тот занят, он раздраженно вздохнул и поправил свое собственное — совершенно безучастное к происходящему на экране — хозяйство.

Су Мо вышел нескоро, с томным румянцем на лице. Он ожидал, что Хань Дун начнет над ним подтрунивать, но тот, судя по всему, уже крепко спал.

Забравшись под одеяло, Су Мо улегся лицом к Хань Дуну. Дождь за окном продолжал убаюкивать, и в душе воцарился покой. Сантиметр за сантиметром он придвинулся ближе, пока не почувствовал чужое тепло, и, глядя на профиль спящего друга, провалился в сон.

В юности эротические сны — дело обычное. Су Мо снилось, будто они с Хань Дуном сплетаются в объятиях, точь-в-точь как герои того фильма. И в самый разгар этой жгучей близости Хань Дун прижал его к себе, и Су Мо вдруг осознал, что в этом сне ему досталась роль женщины.

"Но как же это происходит у двух мужчин?.."

Хань Дун проснулся от духоты. Открыв глаза, он увидел Су Мо, который прижимался к нему и что-то невнятно бормотал во сне. Было ясно — парню снится что-то очень приятное.

Он аккуратно отстранил Су Мо. Сам Хань Дун весь взмок, в горле пересохло, и сон как рукой сняло. Остаток ночи он провел без сна, просто глядя на безмятежное лицо друга.

Проснулся он в прекрасном расположении духа. За окном уже рассвело, дождь стих.

Оглядевшись, он не нашел Хань Дуна, зато на тумбочке лежала записка.

"Ушел на учебу. На столе говяжьих лепешки «Хошао» и соевое молоко, поешь обязательно. Когда будешь уходить, не забудь забрать кассетный плеер. Ключи в том же ящике".

Су Мо невольно улыбнулся. На душе было светло. Кажется, с тех пор как он начал намеренно отдаляться от Хань Дуна, он только сегодня почувствовал себя по-настоящему живым. Оказывается, когда любишь, каждое слово и жест этого человека значат для тебя целый мир.

Из дома Хань Дуна Су Мо напрямик отправился в больницу к Чжу Минь. Раны ее были не

опасны, но требовали ухода. Увидев гостя, она просияла:

— Сяо Мо!

Перед другими Су Мо оставался всё тем же сдержанным и немного холодным красавцем. Мать Чжу Минь знала, что он немой, и не слишком одобряла их дружбу, но его безупречные манеры и внешность заставляли её смягчиться.

— Мам, выйди ненадолго, пожалуйста. Нам с Сяо Мо нужно посекретничать, — взмолилась девушка.

Мать вопросительно глянула на Су Мо. Тот вежливо кивнул, одарив женщину своей фирменной, едва заметной улыбкой. Сдержанный, благородный...

Кто бы мог подумать, что этот образец приличия еще несколько часов назад предавался грешным фантазиям.

Когда мать вышла, Чжу Минь заговорила:

— Сяо Мо, я тут всю ночь думала... Не надо тебе от него бегать. Пусть ты не можешь быть с ним как с парнем, но хотя бы сможешь видеть его каждый день. Глядишь, примелькается, надоест, и сердце успокоится.

"Мы уже помирились", — быстро написал Су Мо.

— Что?! Как это вышло?

"Само собой. Просто я сам во всём виноват — начал вредничать на пустом месте. А он и слова против не сказал".

— Смотри сам... Но безответная любовь — это тяжелая ноша.

Су Мо лишь тихо улыбнулся.

"Но в этой любви есть и своя прелесть".

Хань Дун — человек, которого он полюбил первым. И он сохранит это чувство в памяти как свою первую любовь. Свою прекрасную первую любовь.